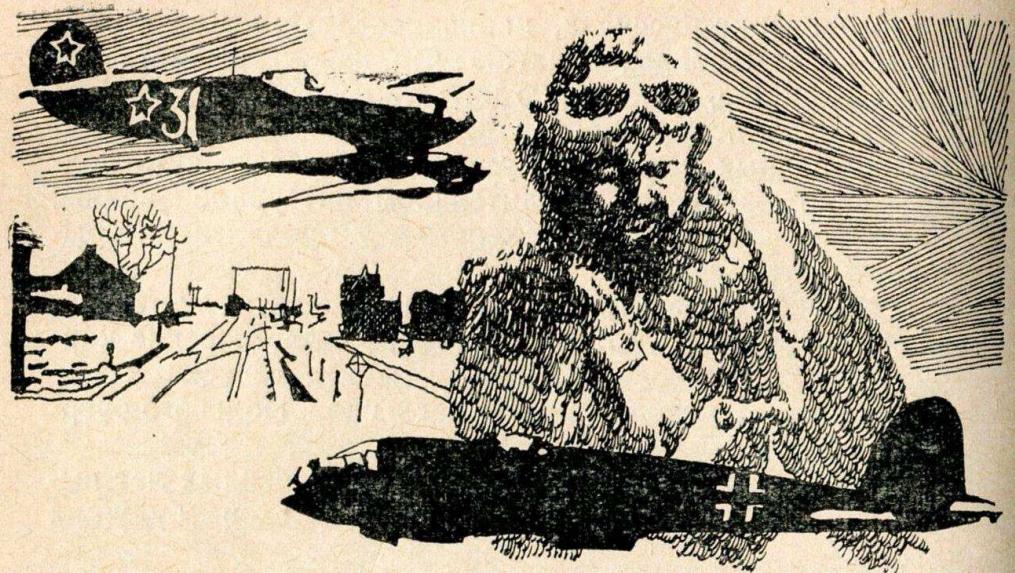

8Р2
ок51

Н. Железнова

**Настоящие
люди**
**Гориса
Головаго**

— Мальчик, как тебя зовут?
— Алеша Маресьев.
— А кем ты будешь, когда вырастешь?
— Юрием Гагарином.

(Из разговора с сыном
А. П. Маресьева)

Как мы жили? О чём мечтали? Что нас волновало? В будущем нас, наверное, нарисуют поколением необыкновенным. А мы просто выполняли свой долг. И очень любили Россию.

Юрий Гагарин

...Это было летом 1943 года, в разгар битвы на Орловско-Курской дуге, в тот период Великой Отечественной войны, о котором Илья Эренбург писал: «Говорят: глубокая ночь, глубокая осень; вспоминая 1943 год, мне хочется сказать: глубокая война... В тот год все переменилось — началось освобождение нашей земли от захватчиков».

Однажды в штаб Брянского фронта, где находился в те дни Борис Полевой, поступило сообщение: летчики гвардейского истребительного полка, действовавшего в том районе и «расчищавшего небо» над головой танковой армии генерала Ротмистрова, входившей в прорыв, сбили 47 самолетов врага. И это — только за девять дней боев... «Даже для тех дней бурного наступления Крас-

ной Армии такая победа была необычайной», — вспоминает Полевой. Его, военного репортера, заинтересовали факты и подробности воздушного боя: «На связном самолете я вылетел в этот полк, намереваясь написать в «Правду» о подвигах летчиков-гвардейцев»¹.

В те минуты, когда он приземлился на маленьком полевом аэродроме у опушки берёзового леска, и потом, когда долго и безуспешно пытался получить какие-то «живые подробности» от падавших с ног, до предела усталых командиров (день выдался трудный: по семь раз поднимались в воздух боевые машины...), журналист еще и не ведал, что фронтовая репортерская судьба подарит ему сюжет фантастический — при всей его сугубой реальности...

«Уважаю «Правду», майор,— сорванным от натуги голосом оправдывался перед военкором командир полка,— но ничего связного сказать сейчас не смогу. Вот скоро возвращается звено. Там один парень, лучший, между прочим, летчик полка, сбил, по моим сведениям, два «фокке-вульфа». С ним и поговорите...»

Когда журналист вышел на летное поле, там садились уже последние машины. Одной не хватало. Ждали молча, напряженно. Потом над лесом, почти касаясь верхушек деревьев, словно привидение, возникла эта последняя «девятка»... Мотор не работал. По инерции машина пробежала по полю. Остановилась. Прозрачный колпак кабины долго не открывался. А когда наконец открылся, на землю сначала вылетела тяжелая палка черного дерева с какими-то диковинными монограммами. Потом появился и ее хозяин, командир — молодой человек, с темным, загорелым лицом. Устало перевалился через борт, тяжело опустился на землю. Удивила немного его странная, переваливающаяся, какая-то «медведежья» походка...

Так они и встретились — старший лейтенант авиации Алексей Маресьев и военкор «Правды» майор Борис Полевой.

Проговорили всю ночь, потом еще день: погода была нелетной.

Уже первый вечерний разговор с летчиком окupил с

¹ Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке. М., «Молодая гвардия», 1972, стр. 246.

лихвой мытарства журналиста: молодой человек, только что завершивший шестой боевой вылет, сбивший в бою два немецких самолета, оказался интересным, симпатичным собеседником, открытым и веселым... Неожиданное началось чуть позже...

«Когда легли спать,— вспоминает Полевой,— слышу, что-то грохнуло об пол. Ну, время фронтовое, нервы напряжены — я сразу руку под подушку, где пистолет лежал. Вскочил. А летчик смеется... Поглядел на пол: там чьи-то ноги лежат. Точнее — протезы, обутые в ботинки военного образца... «Да это ж мои. ...Неужели вы раньше не заметили? И не похвастался из наших никто перед «Правдой»?»

«Безногий летчик... Летчик-истребитель... Неожиданная исповедь потрясла меня своей простотой и величием,— впоследствии расскажет писатель о той ночной беседе.— Все это могло бы показаться ...сказкой, если бы сам ее герой не спал тут вот, рядом, и протезы его не валялись бы на полу, запотевшие от росы, четко видные в белесом свете начинавшегося дня...»¹

Больше они на войне не встретились. Мысль рассказать о той удивительной судьбе не оставляла Полевого: единственным духом, за сутки, написал в «Правду» очерк о подвиге безногого героя, а к очерку приложил проект передовой «Советский воин Алексей Маресьев». ...Однако ни очерк, ни передовая в газете не появились. Зато появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении старшему лейтенанту Маресьеву А. П. звания Героя Советского Союза.

Видимо, труд журналиста тому поспособствовал.

«Не огорчайтесь. ...Кончится война, издадим целую книгу,— утешал автора главный редактор.— Пишите... это стоит книги...»²

И майор Полевой в редкие минуты фронтового затишья вытаскивал из дорожного рюкзака, где хранились его фронтовые блокноты, две ученические тетрадки с надписью «Дневник боевых полетов третьей эскадрильи», пытался взяться за книгу об «обыкновенном и удивительном парне с Волги». Но, по словам самого автора, «...все, что удавалось написать, казалось лишь бледной тенью его жизни».

Действительно уникальная судьба оказалась у молодого летчика («такое и выдумать невозможно»),— признается Б. Н. Полевой, закончив повествование). 4 апреля 1942 года над болотистыми лесами в районе Демянска, в неравном воздушном бою с истребителями фашистской дивизии «Рихтгофен», был сбит самолет Алексея Маресьева. Произошло это за линией фронта, и чудом оставшийся в живых летчик с раздробленными ногами, ползком, вперевалку, превозмогая адскую боль, голод, ежеминутно рискуя погибнуть в лесу, одиннадцать суток шел, а потом и полз к своим... Миновал линию фронта. Партизаны переправили его в госпиталь, где лейтенанту ампутировали ноги и сделали протезы.

Остановясь Маресьев в своем рассказе только на этом, расскажи он ночному собеседнику лишь о лесном маршруте — от смерти к жизни, о трудных госпитальных месяцах и о борьбе с самим собой (калечка... для кого и как жить дальше?), и тогда этот мужественный человек был бы достоин стать героем книги. И тогда это была бы книга, необходимая многим тысячам людей, искалеченных войной, бедой, недугом.

Но в тот момент, когда лейтенант Маресьев делал свои первые, неловкие и мучительно-тяжелые шаги по госпитальному коридору, его истинная одиссея лишь начиналась. Он решил совершить нечто невозможное — вернуться в военную авиацию и сражаться в ее рядах дальше. И — вернулся. И заново освоил искусство пилотирования военного самолета. А еще — самое трудное искусство: чувствовать себя полноценным человеком, полезным Родине солдатом.

Сегодня рассказ, который я здесь приведу, принадлежит событиям мировой истории, как, впрочем, и истории советской литературы. Но, думается, он не лишний, коль скоро читатель хочет лучше, глубже понять личность писателя, чья биография неотделима от пути и биографий его героев.

...С первых дней работы на Нюрнбергском процессе Полевой все чаще возвращался в мыслях к той памятной ночи на аэродроме, которую провел в многочасовом

¹ Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке. М., «Молодая гвардия», 1972, стр. 250.

² Б. Полевой. Эти четыре года, т. 1. М., «Молодая гвардия», 1974, стр. 347.

разговоре с Маресьевым. На чистом листе бумаги уже давно были выведены слова: «Повесть о настоящем человеке». Но — не писалось! А потом наступил день допроса «второго наци» гитлеровского рейха — Геринга. В зале заседаний сменялись подсудимые. Поднимались на трибуну десятки людей с печатью страдания на лице — живые свидетели обвинения. За тех, кто уже не мог войти в зал суда, — из могил Бабьего яра, Треблинки, Майданека, — страшную правду рассказывали с экрана кадры кинохроники. И, как вспоминает сам писатель, с гигантской силой раскручивалась пленка памяти, словно оживало все пережитое на дорогах войны. Все отчетливее стучались в сердце и в память судьбы людские: расскажи о нас людям...

Много лет спустя после тех нюрнбергских дней Полевой так рассказывал в одной из статей об этом периоде подхода к книге:

«Кто-то когда-то кому-то дал литературный совет: если можешь не писать — не пиши, не заставляй себя. Мы же не могли не писать, нам не приходилось ни заставлять, ни подогревать себя. ...Живые образы героев войны жили в нас, стучались в наши души, ...не давали нам покоя.

После войны я был корреспондентом на Международном Нюрнбергском процессе, очень сложном, требовавшем от журналиста внимания и полного напряжения сил. Однако именно там из меня вырвалась, именно вырвалась книга о безногом летчике, образ которого жил во мне всю войну».

Итак, вернемся в тот день, когда Геринг на допросе в зале Дворца правосудия цедил сквозь зубы, что тысячелетний рейх пришел к своему концу не из-за преступлений фашистской клики, а по воле «рока», что истинная причина поражения гитлеровской Германии — «загадочный» советский человек, силу и мощь духа которого не смогли «высчитать» крупнейшие военные специалисты третьего рейха... В этот момент Полевой и вспомнил о безногом летчике, встреченном им под Орлом: его выцветшая фотография (Маресьев у самолета в день их знакомства) прошла с военкором «Правды» всю войну...

«Загадочный русский человек?» — раздумывал Полевой. — Действительно ли геройство таких, как Маресьев, Зоя, молодогвардейцы, — это «загадка души», нечто био-

логически предопределенное особенностью национального характера? (Не здесь ли, на русской земле, открылись в час испытаний народные характеры старостихи Василисы, Дениса Давыдова, матроса Кошки...).

Или все же главная причина массового героизма, заложившего фундамент нашей Победы, — в нравственном превосходстве советского солдата, защищавшего свой дом? В превосходстве Человека над роботом, запрограммированным на убийство и разбой?

«Передо мной, — вспоминает Борис Николаевич, — маячило усталое, небритое лицо этого летчика, каким в первый раз я увидел его на полевом аэродроме, под Орлом, когда он приземлился после боя, в котором сбил два самолета. Увидел его большие, черные, измученные глаза с красными, налитыми кровью белками. Услышал его хрипловатый, глухой голос... Да какой же я литератор, если до сих пор не смог написать о таком человеке!»¹

После допроса «второго наци», когда по всем международным телефонным и телеграфным проводам западные журналисты сообщали в свои газеты: «Геринг начал давать показания...», Полевой вернулся в комнатушку, где жил, к чистому листу бумаги, с давно выведенными словами: «Повесть о настоящем человеке».

Что там, впереди? Роман? Очерк? Повесть? Этого он не знал еще, понимая, что главное — немедленно выплеснуть на бумагу чувства, что бурлили в душе. Ощущая себя в состоянии ожесточенного внутреннего спора с преступником, имя которого стало для миллионов людей синонимом жестокости, садизма, кровавого произвола...

«Ветер задувал в комнату запах пробуждающейся земли. И как-то живо представился зимний лес в оттепельный день, лес, вековечная тишина которого потревожена упавшим самолетом. Летчик, втиснутый в мокрый, талый снег, лесные шумы... Стал писать... И пошло... Здорово пошло...

...Дорогой мой летчик! Мог ли я думать, когда мы с тобой беседовали в земляной норе под Орлом, под отдаленный грохот битвы на Курской дуге, где и в каких обстоятельствах мне придется писать твою одиссею»².

¹ Б. Полевой. Эти четыре года, т. 2. М., «Молодая гвардия», 1974, стр. 431.

² Там же.

Он начал писать о парне, чьей настоящей фамилии толком не запомнил (Маресьев? Мересьев? Чернила выцвели, и буквы стерлись), чьей дальнейшей судьбы не ведал (дожил ли он до Победы или погиб, сражаясь с асами эскадрильи «Рихтгофен»). Он писал вроде бы об одном лишь летчике, а в памяти вставали образы и судьбы других людей, с которыми свели его дороги войны. И под впечатлением всего услышанного и пережитого за эти дни в Нюрнберге характеры тех реальных, конкретных людей как-то укрупнялись в памяти, в воображении, приобретая новые, обобщенные черты, присущие не только образу, скажем, старика Матвея Кузьмина, а всем тем известным и безвестным солдатам войны, которые и являются собой для поверженного врага «загадку военного потенциала России». Ту силу, что сокрушила «армию Кейтеля, воздушный флот Геринга, разбойничье государство Гитлера» (Б. Полевой). С неизменной ясностью факты разных человеческих судеб, впечатления от фронтовых встреч, фрагменты коротких, торопливых корреспонденций выстраивались в единое целое, название которому — советский характер.

Пришла уверенность: его ответом всем герингам должно стать не «житие» летчика-уникума, а рассказ о человеке, для которого героизм — норма поведения, если его Родине грозит опасность. О человеке, чья нравственная стойкость не проявление некоей биоструктуры, а выражение типических черт Времени, которое воспитало героя в обыкновенном пареньке Алеше Маресьеве и в миллионах таких, как он.

Разумеется, те две тоненькие тетрадки с записью «исповеди» Маресьева могли послужить для будущей книги только сюжетной ее канвой. Художественную плоть книги предстояло создать писательскому воображению, опираясь на свои жизненные наблюдения, логику обстоятельств и развитие характеров — одним словом, органично сочетая реальность и вымысел в книге, создаваемой по строго реалистической основе.

«...К утру увидел: написано 19 страниц. Так прошло еще восемнадцать дней, писал, вставая в 4 часа утра, и в часы судебных заседаний, во время допроса свидетелей, показаний обвиняемых,— не прекращая репортёр-

ской работы, «вторым» сознанием обдумывая новые главы. Писал легко, почти без помарок»¹.

...Вот так она родилась, эта «книга неясного жанра», которой на символической полке книг о Великой Отечественной войне в будущем предстояло занять, пожалуй, одно из самых заметных мест.

Это было время, когда на Землю только-только вернулся мир...

«Пушки уже молчали. Небо было чисто,— рассказывал Б. Н. Полевой на страницах журнала «Вопросы литературы».— По всей стране, и в особенности в той ее части, которая после фашистского нашествия лежала в руинах, уже начались небывалые по своим масштабам восстановительные работы, а литераторы в массе своей продолжали отдавать... литературный долг героям войны. И одна за другой выходили книги — «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Звезда» Э. Казакевича, «Спутники» В. Пановой, «Знаменосцы» О. Гончара, «Дом у дороги» А. Твардовского, «Белая береза» М. Бубенникова, «Буря» В. Лациса и многие другие.

Теперь это уже немолодые книги, ...но они не потеряли и по сей день обаяния свежести. Их читают, перечитывают, их изучают. И хотя в наши дни выходит немало произведений, посвященных войне, хотя их авторы сейчас располагают богатейшими архивами и, несомненно, более свободны в обращении с историческими материалами и документами, книги, написанные по горячим следам войны, сохранившие непосредственность восприятия, жар чувств, переживаний, остаются и, мне кажется, навсегда останутся наиболее волнующими, берущими за душу повествованиями о самой большой войне, которую когда-либо вел человек». Эти слова в полной мере можно отнести и к «Повести о настоящем человеке».

...Справедливо говорят: образ времени складывается из портретов современников. Они, реальные герои, воплощенные в образах литературы и искусства, именами своими и судьбами, встающими за этими именами, словно бы озвучивающим Время, целую эпоху в жизни общества.

Чапаев. Метелица. Корчагин. Матросов. Момыш-Улы...

¹ Б. Полевой. Горизонты реальной фантазии. «Литературное обозрение», 1974, № 5.

Алексей Мересьев. Сегодня это имя тоже звучит символом. Духовный наследник невыдуманных литературных героев, он оказался личностью, остронеобходимой самым разным людям. И тем, кто вернулся инвалидом с поля боя. И тем, кто был ранен не только физически, у кого в рубцах душа... Всем, кому предстояло перебороть беду, найти в себе силы жить дальше, обретая новое место в обществе, сражаясь — в себе самом — с психологией калеки, инвалида. Пример его судьбы оказался важным и для тех, кто задумывался над истинными ценностями человеческого духа, кто стремился постичь характер советского человека, понять, что же делает его настоящим.

«Человек делается человеком, если он собран вокруг настоящей идеи,— отвечал на подобные вопросы Н. Островский.— Этим он и силен...»

...Силен ли Алексей Мересьев в изображении Полевого? Безусловно. Он — личность. Не бог, не «белокурая bestia». Но человек — со своими слабостями, сомнениями, колебаниями воли... Наверное, тем и подкупает он — по первом прочтении: жизненной правдой своего характера, своей *обыкновенностью*, хотя слово это, видимо, звучит парадоксом в сочетании с именем Мересьева (с его-то уникальной судьбой). И тем не менее это так: герой повести Бориса Полевого столь прочно вошел в духовную жизнь общества, в духовный мир каждого из нас в первую очередь потому, что он *узнаваем*: его мужество, стойкость, его волевое, творческое отношение к жизни, его страстное (от воли идущее) желание победить — это черты народного характера.

В образе Алексея Мересьева читатели увидели образ судьбы народа и страны, выстоявших тяжкую беду, израненных, истекающих кровью, но сжавшихся в стальную пружину воли и веры. И — победивших.

Полевой создал убедительно честный образ «сильной личности», ибо не скрыл от читателей, какая трудная и исключительная доля выпала его герою. Однако это «исключительное» сумел представить одной из форм проявления типического. Его целью было рассказать, почему победил Алексей Мересьев.

«...Сильная личность! ...Что-то джеклондоновское!» — говорит о герое один из персонажей — военврач госпиталя. В рецензиях конца 40-х годов на «По-

весть о настоящем человеке» встречаешь немало вопросов и возражений по этой фразе: Полевому был выставлен ряд критических претензий за «подражание» и «увлечение джеклондоновскими ситуациями». Однако, справедливые ли это упреки: фраза, оброненная одним из персонажей книги, не имеет общей основы с позицией автора, который намеренно — продуманным лаконизмом описаний, деловитостью портретного рисунка, реалистической, а подчас даже очерковой достоверностью деталей — стирает с образа своего героя штрихи возможной «красивости». «Ничего не пойму,— недаром скажет Мересьеву командир полка.— Ничего в вас особенного нет...»

Внутренне полемичная, эта «Повесть...» просто и честно отвечала на вопрос, чем же силен ее герой. Да тем, прежде всего, что за плечами у «конкретно существующего», реального, узнаваемого юноши стояла целая страна. Его судьба являла собой частицу судьбы народа. Он, Мересьев, похож на многих. В этом впечатляющая сила книги Полевого, рожденной неудержимой творческой потребностью автора высказаться, чтобы помочь миллионам людей понять, во имя чего четыре года подряд, день за днем, поднимались в атаку, падали под пулями, снова шли в бой — на таран, врукопашную — такие парни, как Алексей Маресьев.

Искусство и документ — вот «состав» сплава, из которого создана «Повесть...». А потому рассказ о победе одного молодого лейтенанта над смертью, недугом обрел обобщающий смысл, принял на себя новую идеино-образную нагрузку, вылившись в повествование о народной победе в этой войне. Об истоках массового героизма. О потенциале его в советских людях. Вот она сила, что «погубила разбойничье государство Гитлера...».

Книга эта — о народе. В судьбе Алексея отразилась народная судьба трудной военной поры. В маршруте Алексея — через вымерший зимний лес к линии фронта, через месяцы госпитальных бед к возвращению в жизнь, через нечеловечески трудную, кропотливую работу тренировок к возвращению в строй, в авиацию — все время рядом люди. Они присутствуют в его драматическом движении; он постоянно ощущает помочь — то жителей лесной деревеньки, спасших ему жизнь, то партизан, переведавших его в госпиталь, а потом — врачей, медсе-

стер, соседей по палате; людей, входящих в его, Алексея, жизнь так неожиданно и прочно, так навсегда, как комиссар Воробьев...

Алексей мог бы повторить о себе слова Павки Корчагина: «Я не могу в одиночку...» Он никогда и не жил «в одиночку», этот паренек с самой обыкновенной биографией. До войны, как известно, Маресьев, проработав три года на строительстве Комсомольска-на-Амуре, потом учился в летной школе, был инструктором Батайского летного училища, откуда 22 июня сорок первого года, рас прощавшись с близкими, и ушел воевать. А всего лишь через десять месяцев войны жизнь поставила перед ним задачу: свершить невозможное...

Таким был в действительности, таким вошел в литературу герой Бориса Полевого, на десятилетия ставший эталоном нравственного поведения для людей разных возрастов, языков, судеб...

«Реально о возвышенном»¹ — так определил тоналность «Повести...» А. Бочаров, сравнивая ее с другими книгами военной прозы 1946 года.

Реально о возвышенном. Об исключительном как о форме проявления типического. Об «обыкновенности» героического. О подвиге как об этической норме поведения человека советского воспитания. Вот основные «силовые линии», созданные в книге Бориса Полевого. Принципы построения художественного образа на реальной жизненной канве, впервые так полно и объемно проявившиеся в «Повести...», стали определяющими в его творчестве.

С тех пор книжная полка с неким условным называнием «книги о войне» заметно пополнилась произведениями разными — по жанру, стилю, творческой манере.

«Нельзя писать историю Великой Отечественной войны без истории ее художественной литературы», — справедливо отмечал Б. Бялик, имея в виду лучшие образцы нашей военной прозы — произведения Федина и Симонова, Кожевникова и Гроссмана, Эренбурга и Бека, Бакланова и Бондарева, Шолохова и Межелайтиса, Куусберга и Авижуза, Быкова, Гончара, Айтматова и многих, многих других.

¹ А. Бочаров. Человек и война. М., «Советский писатель», 1973, стр. 307.

Книги о войне стали поистине «целым континентом, материком, где на специфически жизненном материале находят свое решение едва ли не все эстетические проблемы современной советской литературы», — подчеркивает и А. Бочаров в книге «Человек и война»¹.

Добавим: едва ли не все эстетические проблемы современной жизни тоже. И то обстоятельство, что в общем простая по композиции одиссея советского лейтенанта авиации, не претендующая на исторический анализ и обобщение, но сохранившая то, что Юлия Друнина назвала «чувством опаленности фронтом», не затерялась на этом «континенте», тоже свидетельствует о нравственных и художественных достоинствах книги, островоременной и сегодня. И если судьба Алексея Маресьева вписалась в наш сегодняшний день, если этот человек, недавно отпраздновавший свое 60-летие, уже около четверти века работающий ответственным секретарем Советского комитета ветеранов войны, отец двух взрослых сыновей, и ныне воспринимается людьми разных поколений (от ветеранов Великой Отечественной до их внуков, которым сегодня столько лет, сколько было Алексею Петровичу в сорок первом) человеком духовно близким, ровесником, — то в этом заслуга не одной лишь уникальной биографии героя книги. Но — более всего — заслуга автора «Повести...», которая среди многих других произведений советской прозы о войне, написанных в первые послевоенные годы, выделялась своей высокой жизненной правдой, достоверностью деталей. А если говорить шире, уровнем художественного реализма.

Наверное, истинную удачу писателя можно оценить лишь в сравнении с работами предшественников и с трудом тех, кто пришел в литературу с той же темой позже.

...Вспомним, что впервые «Повесть...» увидела свет в 1946 году, на страницах журнала «Октябрь». «В те годы, — читаем у А. Бочарова, — появилось много романов, в центре которых находилась фигура подлинного героя войны: «Александр Матросов» П. Журбы, «Чайка» Н. Бирюкова, где рассказывалось о партизанской разведчице Лизе Чайкиной, «Генерал Доватор» П. Федорова, где судьба прославленного кавалерийского команди-

¹ А. Бочаров. Человек и война. М., «Советский писатель», 1973, стр. 5.

ра рисовалась на фоне массовых героических поступков его конников, и т. д. Среди этих книг повесть Б. Полевого была наиболее свободной от приукрашивания, ...наиболее обнажившей суть массового героизма»¹.

Добавим: за три десятилетия, прошедшие с тех пор, советская «литература факта» обогатилась разножанровыми произведениями, в центре которых судьбы реальных героев и наших мирных дней, и эпохи Великой Отечественной войны. Выдерживает ли «Повесть...» соперничество с ними? В течение тридцати лет «Повесть о настоящем человеке» только в нашей стране издавалась около ста пятидесяти раз — на русском языке и языках других народов СССР. Она многократно издавалась и переиздавалась почти на всех языках земли, во всех странах мира. И коль скоро истинную удачу книги подтверждают масштабы времени, то необходимо, думается, подчеркнуть, что и сегодня о Маресьеве читают с таким же острым интересом, как и тридцать лет назад: читают и переосмысливают с позиций сегодняшнего дня дети и внуки тех, кто прошел четырехлетний тяжелый путь Великой Отечественной...

В книге А. Бочарова «Человек и война» высказана и такая мысль о «Повести о настоящем человеке»: «Благодаря... реальности возвышенного повествования вдохновила многих инвалидов встать в строй. Вряд ли какая-либо иная книга тех лет имела такой непосредственный жизненный эффект, такое непосредственное приложение к поведению массы людей»².

Действительно, среди тех, кого эта книга поддержала в трудную минуту, можно назвать и многих героев войны, и героев мирных дней; можно припомнить примеры судеб, ставшие уже историческими: Захара Сорокина, этого «северного Маресьева», Героя Советского Союза, который после ампутации обеих ступней ног вернулся в авиацию, сбил 10 фашистских самолетов, и Героя Социалистического Труда Прокофия Нектова, безногого тракториста Белозерской МТС, и чехословацкого тракториста Ярослава Чермака, лишившегося кистей обеих рук, но научившегося водить свою машину-трактор, и поляка

Стаха Перунку, историю которого в Польше называют «второй повестью о настоящем человеке»...

...В Болгарии, в Варненском комитете болгаро-советской дружбы, я услышала рассказ о трактористе Марине Колеве. В годы Отечественной войны он получил два боевых ордена за храбрость, а в мирное время — орден Георгия Димитрова. История Колева такова. Когда 8 сентября 1944 года в Болгарии вспыхнуло народное восстание, он служил в армии. После победы народного восстания вместе с другими комсомольцами уехал на фронт. Сражался в Венгрии плечом к плечу с советскими бойцами. А через несколько лет случилось непоправимое — при несчастном случае Марин лишился ног. Тяжело было переносить физическую боль, но еще больше угнетала мысль, что он навсегда выбыл из строя. Вот как сам Марин вспоминает о пережитом.

«Мне казалось, что я очутился в какой-то пропасти, что это конец... Вот тогда мне и попала в руки книга об Алексее. Начал читать ее, увлекся. Думал о нем, о тех страшных минутах, которые он пережил после того, как его самолет был сбит. О страданиях, которые пришлось ему перенести, пока он заново учился летать...»

Следуя примеру судьбы советского летчика, Марин сумел преодолеть свою трагедию, вернуться к труду, стать полезным людям. Сегодня его называют одним из лучших трактористов в Силистренском крае, в его родных местах...

...Мадлен Риффо — героиня французского Сопротивления, о подвиге которой (в самом центре Парижа в дни фашистской оккупации девушка казнила гитлеровского полковника) Полевой рассказал в одной из новелл-портретов книги «Силуэты». Пример Алексея Маресьева помог ей в трудные минуты жизни, ибо из застенков гетто Мадлен Риффо вышла человеком больным, изнуренным. По существу, инвалидом.

Однако она нашла в себе моральные силы, чтобы вернуться в строй, и, как известно, стала одним из деятельных борцов за сохранение мира на земле... Греческая партизанка Катика Карапениду... Индусская учительница Сарла и московская школьница Людмила Липатова, перенесшая несколько труднейших операций, научившаяся ходить без костылей, танцевать на протезах. В архиве писателя хранятся сотни писем, датированных

¹ А. Бочаров. Человек и война. М., «Советский писатель», 1973, стр. 309.

² Там же.

разными годами, со штемпелями десятков разных стран и континентов, авторы которых благодарят Полевого за книгу — «аккумулятор энергии»: из нее они черпали мужество и силы, чтобы жить и работать дальше, словно из источника с волшебной водой.

В рабочем кабинете Бориса Николаевича сегодня можно увидеть множество экземпляров «Повести о настоящем человеке». Книга эта выходила сто шестьдесят раз, почти на всех языках планеты. Но дороже ярких, «парадных» изданий, по словам автора, для него несколько истрепанных, залитых кровью книг.

...Вот, например, держу в руках совершенно истрепанный том греческого подпольного издания «Повести о настоящем человеке». Он пропитан прогорклым оливковым маслом, закапан свечным салом, а с одной стороны даже и обожжен. В нижнем углу книги пулевая пробоина. Когда-то этот том привезла в Москву делегация греческих партизан. В письме сообщалось, что книгу эту в дни жесточайших боев в горах Грамос читал у костра вслух политрук отряда. В одном из боев, прикрывая отход отряда, он погиб. Пуля, сразившая его, пробила книгу, находившуюся в вещевом мешке. Его товарищи перевязали книгу бечевкой, засургучили какой-то церковной печатью и отослали в Москву.

А вот другое, уже легальное, греческое издание. Оно зачитано так, что с трудом разбираешь буквы. Книга расчленена на шесть отдельно сшитых тетрадок. Почему? Оказывается, ее тайно пронесли в политическую тюрьму «Авероф». Как явствует из письма греческих женщин, заключенных в этой тюрьме, единственной книгой, которую им давали читать, была библия. И вот тайно перенесенную к ним советскую книгу расчленили на шесть тетрадок. Сшили их. Каждую из таких тетрадок вкладывали в библию и в библейском переплете передавали из камеры в камеру. Переслали же эту книгу Международному женскому конгрессу узницы тюрьмы из камеры «Авероф» в матерчатом вышитом переплете. Из письма выяснилось, что обложку в последние дни своей жизни вышила пожилая революционерка, заключенная в камеру смертников.

В письме было написано: «Дорогой друг, мы все читали «Повесть о настоящем человеке». Во многих критических случаях твой невыдуманный герой помогал нам

оставаться настоящими людьми... Прими эту книгу, она гуляла у нас по камерам вместе с рисунком этой финиковой пальмы, у которой наши женщины и девушки пели свою последнюю песню и танцевали свой последний танец перед тем, как пасть от руки палача».

А вот еще одно иностранное издание «Повести...». На испанском языке. Эту историю рассказал сам Борис Николаевич: «...На митинге в городе Мехико, посвященном борьбе за мир, неожиданно ко мне подошел незнакомый молодой мексиканец с красивым смуглым лицом. Подошел, приподнял широкополую шляпу, поклонился, отдал книгу и затерялся в толпе. По рисунку я понял, что это моя книга. И удивился. Никогда и никто не дарил еще мне мое собственное сочинение. На титульном листе было что-то торопливо написано по-испански. Работник советского посольства, находившийся рядом, прочел эту надпись: «Уважаемый господин Борис Полевой. В 1961 году, когда я учился во втором классе гимназии (мне было тогда 12 лет), один из моих одноклассников принес в школу револьвер. У нас ведь в Мексике это обычай — револьвер в кармане. Так вот, этот револьвер неожиданно выстрелил и тяжело ранил меня в шею. Врачам удалось спасти мне жизнь, но надо мной нависла опасность — паралич обеих рук. Я совсем пал духом. Тогда моя мать купила эту незабываемую теперь книгу и начала читать мне главу за главой. Чтение вернуло мне присутствие духа. Повесть одновременно и успокаивала меня, и вселяла надежду, и давала хороший урок мужества. В конце концов мне удалось победить болезнь. Я всегда буду хранить в памяти мужественную, суровую личность Алексея Мересьева». Дальше была подпись: Леонардо Помирес Поман и дата: Мехико, 30 сентября 1967 года...

Об удивительно щедром и многообразном влиянии «Повести о настоящем человеке» на судьбы самых разных людей писалось немало. Перечень приведенных здесь фактов можно продолжать и продолжать. Воспользуясь одним конкретным примером.

В журнале «Сибирские огни» в 1976 году был опубликован очерк «Сколько у нас Маресьевых?». Характерно, что в этих «рассказах о мужестве» не встретилось ни слова о войне, герои очерка Н. Мейсака абсолютно мирные люди: фотокорреспондент ТАСС, стюардес-

са, геолог. Наши современники, любящие свое дело, мир, в котором живут. Ради этой любви к своей беспокойной, «подвижной» профессии газетчика преодолевает Анатолий Поляков тяжелый недуг, последствие несчастья. А тоненькая стюардесса Саша, рискуя десятки раз жизнью, выводит из загоревшегося самолета пассажиров — детишек, стариков. И на вопрос корреспондента (это уже потом, когда все страшное позади, когда через выбитое стекло пилотской кабины удалось выпрыгнуть почти босиком — на ледяной бетон): «Ну разве это не доблесть?» — недоуменно пожимает плечами: «Вы что, смеетесь? Не думали мы о мужестве. Просто — с детства слышали о Маресьеве и Богаткове, о горящем Гастелло и о Зое, о девчатах из «Молодой гвардии». Можно ли нам было держаться по-иному?»¹

Каждая эпоха, без сомнения, придает своеобразие понятию подвига, накладывает на него свой отпечаток.

В редакции журнала «Юность» мне приходилось не раз видеть десятки писем на имя Бориса Полевого, адресованных не вообще «известному писателю», даже не главному редактору популярного советского журнала молодых, а именно автору «Повести о настоящем человеке». В этих «самых правдивых рецензиях» (так назвал читательскую почту Полевого поэт Алексей Сурков), написанных разными людьми и по разному поводу, думается, есть общий ключ к пониманию истоков непроходящего интереса к совсем простой, бесхитростно написанной книге, определившей целый этап в развитии советской послевоенной прозы.

...Вот, например, одно из писем: его прислали писателю комсомольцы города Калуги; в нем содержатся сведения о совместном социологическом анализе, проведенном недавно редакциями двух молодежных газет — «Молодой ленинец» и «Фрайе ворт» (ГДР). Темой исследования были «книги-чемпионы», самые популярные в среде сегодняшней молодежи; в их числе оказались: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого...

Счастливая судьба у книги, которой доверено выполнить миссию полпреда советского образа жизни, совет-

ской морали в разных уголках земли. Такова судьба «Повести о настоящем человеке», подтверждающей своим примером общественную, социальную ценность писательской работы в современном мире.

Счастлива, полагаю, и судьба литературного героя «Повести...». Его нравственный пример и сегодня дает силы людям в разных странах планеты «учиться на настоящего человека», борясь за собственное счастье, за справедливое будущее своего народа.

Я думала об этом, читая письма с почтовыми штемпелями российских городов и дальних стран.

...Генри Муталемва из города Каторо (Танзания) пишет Б. Н. Полевому: «...прочитав «Повесть о настоящем человеке», я чувствую себя в ином мире, в котором живут новые люди, чьи дела удивляют и учат... Да, именно прочитав эту книгу, я могу правильно судить о советских людях, видеть их в настоящем свете, а не в том, в каком их представляют Ян Флеминг, Касихо Рояль и другие западные писатели».

А это строки из письма, подписанного кратко — Володя:

«...Свою судьбу, свои успехи и достижения в жизни я связываю с именем Бориса Николаевича Полевого. Когда со мной случилось несчастье в феврале 1956 г. (потерял обе ноги, покалечил руки), я несколько раз перечитывал «Повесть о настоящем человеке». Она дала мне уверенность — надо работать и быть полезным людям, а не иждивенцем. С октября 1957 года по сей день (1976 г.) работаю на стройке экономистом-оператором: кручу арифмометр «Феликс», считаю на счетах, печатаю на пишущей машинке... Я живу, я тружусь, недавно меня приняли в ряды КПСС».

В этом же письме останавливают внимание строки: «Если бы в то время, когда я боролся за жизнь, уже вышла повесть «Всем смертям назло», мне было бы... легче, увереннее, что ли... Спасибо Вам, Борис Николаевич, за то, что эта книга при Вашей помощи и содействии увидела свет. Как и «Повесть о настоящем человеке», она будет нужна людям вечно».

Историю, о которой упомянул автор этого письма, привожу в пересказе Бориса Полевого.

«...Однажды в почте «Юности» обнаружили солидных размеров тетрадь-рукопись, написанную неровным, пры-

¹ «Сибирские огни», 1976, № 9, стр. 127.

гающим почерком. Взялся читать ее,— вспоминает писатель,— и не мог оторваться до утра. Это оказалась прекрасная проза: профессиональная, искренняя, написанная отличным, живым языком. В ней рассказывалось о труде советских шахтеров, о катастрофе на шахте, где вспыхнул пожар, грозивший взрывом и гибелью сотен людей. Трагедию предотвратил один из рабочих, бросившись на рубильник высокого напряжения...

Фамилия автора никому ничего не говорила. Повесть решили напечатать. А потом в редакцию зашел и сам автор. Крепко сбитый, ладный молодой парень. Протягиваю ему руку, чтобы познакомиться, а он мне руки не подает...

Оказывается, нет у него обеих рук, ампутированы по локоть. Тогда я и узнал биографию Владислава Титова, автора той биографической повести, которую сегодня знает читатель во многих странах мира...

Как же он написал свою повесть «Всем смертям на зло»? Зубами. В самом прямом смысле этого слова. Прикрепив карандаш к резинке, зажатой во рту. Мучительно трудно выводя каждое слово на листе бумаги, закрепленной на грифельной доске».

«Что дало силы?» — спросил Полевой у автора. И услышал: «Алексей Маресьев...»

Думаю, такой пример — это больше, чем простое подтверждение силы «литературы факта». Имя героя «Повести...» и сегодня могло бы стать ответом на вопрос: «Что дало силы?» — будь он обращен не только к людям, встретившимся с физическим несчастьем, с бедой, о которой писал А. Бочаров. Пример Владислава Титова, ныне уже профессионального прозаика, подтверждает, что правда конкретной судьбы, рассказанная на высоком уровне художественного реализма, становится стимулом и к новому творчеству. К творчеству, продолжающему традиции лучших мастеров нашей художественной прозы, «порода» которой обогащена «вкраплениями» образных средств открытой публистики, использованием энергии факта, документа.

Однако, полагаю, важно привести здесь мнения и другого плана о книге Полевого и суждения о реальности судьбы ее героя. Ибо «негативность» некоторых высказываний, как это ни парадоксально звучит, помогает выявить характерные черты труда Полевого-прозаика.

Лет тридцать назад Борису Полевому на одной из международных встреч журналистов предложили быть арбитром в споре о факте и домысле в его же собственной книге. Спор шел между чешскими журналистами, на глазах которых создавалась «Повесть...» в Нюрнберге, и корреспондентом одной из газет Нью-Йорка.

— Почему Вы не верите в подлинность моего героя? — спросил американского коллегу автор книги.

И выслушал следующие аргументы: во-первых, человек, лишившийся ног, не может стать истребителем. Это противоречит возможностям профессии и опыту всей истории авиации. Во-вторых, если бы Маресьев оказался таким «суперменом», разве вернулся бы он в строй простым лейтенантом войны? Разве не извлек бы из своего подвига крупных материальных выгод? И зачем автору было бы указывать истинную фамилию героя? Ведь соверши он какую-нибудь ошибку в жизни, пострадали бы и Вы вместе с книгой.

...Вопрос о возможностях профессии в свете опыта всей истории авиации был задан Алексею Петровичу Маресьеву. Привожу его ответ: «Мне, например, известно, что без ног летали летчики Белоусов, Сорокин... Что же касается зарубежных аналогов, то, честно говоря, не имею о них сведений. Правда, в Норвегии, где я побывал в составе делегации советских ветеранов войны, ко мне подошел один человек и спросил: знаю ли я английского пилота, который оказался в схожей с моей ситуации и пробовал летать?»

Речь шла, как я узнала позднее, об английском летчике Ричарде Хилэри, самолет которого был сбит над Ла-Маншем в сентябре 1942 года. Как и А. Маресьев, он вернулся в строй. Как и наш летчик, стал «литературным фактом», написав автобиографическую книгу «Последний враг».

В статье А. Исбаха «Алексей Маресьев и Ричард Хилэри»¹ проведена выразительная параллель между двумя этими людьми-легендами, которая позволяет понять принципиальное различие тех движущих сил, что вели обоих летчиков к одной цели — к выздоровлению, к возвращению в строй.

«Когда началась война, мне не было и двадцати од-

¹ «Новый мир», 1947, № 10.

ного,— пишет Хилэри.—Никто не скажет, что в те годы мы были политически сознательными людьми... Мы были замкнуты, чрезвычайно ограничены в своих горизонтах, отлично сознавали это и не находили в этом ничего зазорного. Мы знали, что война неизбежна. Мы были подавлены ощущением ее неизбежности, но не были патриотически настроены»,— утверждает автор «Последнего врага». По его собственному признанию, он не чувствовал связи с товарищами. «...их смерть никак не отразилась на мне, не возложила на меня ответственность».

Прервем на время исповедь героя-одиночки и обратимся к фактам, простым и убедительным.

...Алексею Маресьеву в сорок первом было немногим больше, чем Ричарду Хилэри: двадцать пять лет. Его война началась 22 июня 1941 года, и уже через несколько месяцев в бою над Демянском он попал в «двойные клещи»: четыре немецких штурмовика из дивизии «Рихтгофен» обступили его машину «и, не давая ни вывернуться, ни уклониться с курса, повели на свой аэродром...»¹. Однако почему это произошло? Из-за промаха или неопытности молодого летчика? Нет, не в этом было дело.

Сбив вражеского «юнкерса», Алексей увидел, как три истребителя его звена ведут бой с девятью «мессерами», и бросился в атаку. Выручать товарищей.

Потому что их судьба была в опасности. И в том бою, после которого он познакомился с «майором из «Правды» — Полевым, Маресьев спас жизнь своего товарища, летчика Петрова, увидев, что «фокке-вульф» несся прямо на него. «Жить Петрову оставалось доли секунды. Сражались слишком близко, а Алексей не мог броситься на помощь другу, соблюдая все правила воздушной атаки. Жизнь товарища... заставила Маресьева идти на риск. Он бросил свою машину по вертикали вниз...»²

И это, разумеется, не единичные примеры фронтовой судьбы Маресьева. Таков был, таков есть нравственный закон каждого советского воина. И солдата, и генерала.

Критик Ал. Михайлов в рецензии на «Повесть о настоящем человеке» отметил, что в словах «настоящий человек» «...сконцентрирован целый морально-этический

¹ Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке. М., «Молодая гвардия», 1972, стр. 10.

² Там же, стр. 236.

комплекс, включающий в себя не только отвагу в бою, но и идейную убежденность, и патриотизм, человеческую порядочность, бескорыстие, благородство»¹.

Другими словами, лучшие качества, рожденные и воспитанные идеологией нашего общества, в условиях военных испытаний, на рубеже жизни и смерти, обнаружили себя с особой силой. И писатель, творческая и гражданская позиция которого определена четко (это — показ его героев в исключительных, «экстремальных» ситуациях), сумел создать убедительный литературный образ А. Мересьева, наверно, именно потому, что рассказал не просто о красоте подвига *одного* человека, но о неисчерпаемой мощной потенции мужественного герояизма народа в час, когда «...идет война народная, священная война». Мересьев знал (в отличие, скажем, от Хилэри), за что он сражался. Сознавал высоту и значимость своей миссии в ратном труде войны. Знал, что рядом всегда люди, что он разделяет испытания, выпавшие на долю народа.

Не поддаваясь искушению романтической высокопарности и не ради приукрашивания и без того фантастически трудного передвижения Алексея по лесу, писатель ввел в этот страшный и героический его маршрут десятки людей — «живых и павших». Вспомним сцену с мертвым лазаретом, встретившимся летчику. Ему, еле передвигающемуся на разбитых ногах, мучительно дороги неизвестные, погибшие в лесном лазарете: хрупкая девушка-медсестра («меж лопаток торчала у нее рукоять ножа, поблескивающая полировкой»), и заколотые фашистами безымянные красноармейцы, и погибший в другом неравном бою юный узбек «с тонким лицом, словно выточенным из слоновой кости». С большим художественным мастерством воссоздал Полевой одну из страшных и будничных картин войны.

Хочу заметить «на полях», что критика в первых рецензиях на «Повесть...», датированных 1947—1948 годами, сочла некоторые «потрясающие детали» «...совершенно неубедительными в повести, где каждый жизненно достоверный факт надо сделать еще художественно достоверным» (З. Кедрина).

¹ Ал. Михайлов. Судьба книги. «Дружба народов», 1965, № 5.

В книге-дневнике Бориса Полевого «Эти четыре года» сцена с мертвым лазаретом и картины лесного сражения «повторены» (если это справедливо в применении к первоисточнику, каким является дневник) почти текстуально точно. Такой была война, увиденная глазами очевидца. Достоверность не вызывает сомнений. Что же касается художественной и психологической оправданности ее в этом сюжете, то несомненно стремление Полевого постоянно показывать своего героя в соприкосновении с другими людьми, в сопричастности разных судеб.

Именно поэтому, думается, понадобились и вставные новеллы о «подземной деревне», жители которой органично входят в одиссею Мересьева: это и бабка Василиса, в семье которой погибли девять человек, не пожалевшая для незнакомого умирающего летчика последней курицы, оставшейся от «мирной жизни»; и дед Михайла, «патриарх» беглой деревеньки, привезший летчика из леса; и мальчишки, нашедшие его, умирающего, в лесу; и те не названные писателем бабы, что спорили, у кого будет лучше Алексею («У меня землянка суха. Песок-песочек и воздух вольный. Печура у меня», — говорит одна. «Ко мне его, дядя Миша, у нас корова, молочко!» — настаивает другая...).

В «Повести...» живет и действует множество и других людей, поддержавших Алексея в трудные «дни и ночи» его госпитальной одиссеи (среди них самый интересный образ, думаю, несгибаемого комиссара), и тех, с кем познакомили и сблизили его новые дороги войны. О многих из них сказано излишне бегло, с очерковой торопливостью. В лучших страницах книги, где характеры дают знать о себе — душевной добротой, теплом, самоотверженностью сердца, ощущаешь: писатель стремится представить читателю ту мощную и разветвленную корневую систему народной силы, которая «питает» Алексея своими жизнетворными соками, помогая ему выжить, выстоять, победить...

Именно потому, что в повести перед читателем проходят десятки разных и чаще всего трагически тяжелых судеб (напомним хотя бы о нескольких из них: обожженный танкист Гвоздев, голодная Маринка и ее бабка, погибающие при бомбежке; верные своей любви Анюта, Оля, Клавдия Михайловна), и потому, что в свете этих

как бы случайно выхваченных из людского потока жизней мы зримо сознаем, какой ценой заплачено за Победу, особенно ощутима мощь народной души: ей по плечу любое испытание. Эти «вставные новеллы» помогают читателю понять, как вырастает Мересьев. Становится очевидной аргументация Семена Воробьева — его слова, обращенные к искалеченному летчику: «Но ты же советский человек».

...Когда «Повесть о настоящем человеке» вышла из печати, в ряде рецензий прозвучал упрек писателю: Борис Полевой слишком уж увлекается подражанием Джеку Лондону, его повесть «по манере письма... напоминает ...рассказ «Любовь к жизни», — писал В. Гольцев на страницах журнала «Знамя» (№ 3 за 1947 год, стр. 180) — «...автор, видимо, и сам чувствует некую подражательность своего письма и не случайно упоминает в конце... имя знаменитого американского писателя. ...Может быть, если бы Б. Полевой не развертывал момента возвращения Мересьева к своим в самостоятельную часть повести, а ограничился чем-то вроде небольшого пролога, было бы лучше и легче избежать заимствования».

Действительно, имя Джека Лондона в авторском послесловии возникло не случайно. Именно потому, что Полевой стремился своим рассказом подчеркнуть дистанцию чисто биологического понятия «человек» и конкретного, социального значения, которое вложил писатель в слова «настоящий человек».

Что же до «джеклондоновских ситуаций», то следует заметить: «Повесть...», ставшая одной из самых популярных в мире книг (как и в 40-е годы, так и в наши дни), действительно внешне построена по законам «остроприключенческого» повествования. И, пожалуй, романы Джека Лондона, одного из самых «читаемых» писателей 20—30-х годов XX века, явно уступают «Повести о настоящем человеке» в популярности и признании у читателя. Характерно, что в той своей первой из обретших столь массовую аудиторию книг автор заявил о себе как о талантливом «архитекторе сюжета», как о мастере построения оригинальных композиций.

Однако следует познакомить читателя и с мнением самого автора о параллелях, проводимых критикой между «Повестью о настоящем человеке» и романами известно-

го во всем мире американца: «...Тема сильного человека в литературе не новая... Есть известный рассказ у Джека Лондона «Любовь к жизни». Больной, почти без сил, человек все же побеждает смерть. Но то был инстинкт самосохранения. Маресьев меня поразил не своим желанием во что бы то ни стало выжить — ведь в этом есть что-то естественно-биологическое, а желанием, страшным и необоримым, не быть в стороне от борьбы, самой главной, которой все мы тогда только и дышали. Вот почему мне так и хотелось рассказать не только то, КАК, но и ВО ИМЯ ЧЕГО совершил Маресьев подвиг...» — писал Б. Н. Полевой в одной из статей.

«Во имя чего...». Писатель развертывает перед нами путь Мересьева — не как эпопею исключительных действий, но как череду самых трудных и будничных завоеваний. «Очень трудной, кропотливой работе» — возвращению летчика в строй — посвящены три из четырех частей книги. «Результаты ее были так малы, что почти не ощущались», — сообщает Полевого читателю. Но «...это реалистическое бытописание действует с особенной художественной силой после «неистовства» первой части», — как точно прочитал авторскую «сверхзадачу» критик А. Бочаров¹.

...Книга Полевого о настоящем человеке по праву может быть названа книгой о настоящих людях. Потому что основное содержание «Повести...» — процесс нравственного роста героя. Свое второе рождение он обретает не в результате многодневных физических усилий и изнуряющей гимнастики, не после благополучно прошедшей операции, а в результате работы души, нашедшей силы преодоления и возможность совершить невозможное.

«Я не могу в одиночку», — говорил Павка Корчагин. И Алексей не смог бы «в одиночку», не встань на его пути стеной поддержки люди. О некоторых уже сказано. О Семене Воробьеве речь впереди.

* * *

Б. Н. Полевому не раз задавали вопрос: реальная ли это личность — Семен Воробьев?

Отвечая на письма читателей на страницах журнала

¹ А. Бочаров. Человек и война. М., «Советский писатель», 1973, стр. 308.

«Литературное обозрение», писатель подчеркнул: «Можно считать этот персонаж вымышленным, поскольку такого реально существующего человека, Воробьева по паспорту, я не знаю. Но я знал, что помочь Мересьеву выстоять, преодолеть нечеловеческие трудности, на него обрушившиеся, мог только очень сильный, очень волевой человек. Повторяю, конкретно Воробьева я не встречал. Но на дорогах войны узнал очень много таких комиссаров, которые силой своего духа, мощью своего характера помогли «выдюжить» другим людям... Они-то и влились в этот обобщенный, но очень реальный, типический образ...»¹

...Нам не довелось познакомиться с комиссаром Воробьевым, как говорится, на ратном поле. Можно только домыслить, вообразить, как шел в бой этот «человек для людей» — впереди полка, поднимая в атаку товарищей.

Умирающего от ран комиссара мы узнаем в последние дни его жизни, на госпитальной койке. Изнуренный болью, но не покорный страданию, он действует на окружающих словно глоток бодрящего воздуха. Хотя комиссар «не делал для этого никаких усилий. Он просто жил, жадно и полнокровно, забывая или заставляя себя забывать о мучивших его недугах».

Главный интерес Воробьева — живые люди. Общение с ними — органическая потребность для него. Дан ему такой талант — открывать людские сердца. Не снисхождением, не сладкой ложью горьковского Луки заставляет Воробьев — силой примера, своего в том числе, — верить людей в то, что каждый способен в жизни добиться большего, чем ему это кажется возможным...

Сколько разных средств перепробовал комиссар, чтобы «разговорить» тяжело переживающего свое несчастье Алексея Мересьева. Когда же ничего не помогло, в палате, как мы помним, появился номер журнала времен первой мировой войны с заметкой, пересказывающей историю летчика Карповича, который потерял ногу, но продолжал летать.

Было бы наивным думать, что эта заметка способна перевернуть душу такого упорного человека, как Алексей

¹ Б. Полевой. Горизонты реальной фантазии. «Литературное обозрение», 1974, № 5, стр. 102.

сей. Автор далек от мысли убеждать в том читателя. Но-
мер старого журнала для комиссара лишь повод активно
и действительно вмешаться в жизнь Мересьева, заставляя
его задуматься над будущим, еще раз осмыслить про-
шлое, а главное — поверить, что он сможет летать.

...Основное содержание «Повести о настоящем челове-
ке» начинает раскрываться — своим «глубинным течени-
ем» — после сцены разговора Воробьева с раненым лет-
чиком о чувстве советского патриотизма (Мересьев, как
мы знаем, прочитал только что историю Карповича, пе-
ред ним еще лежит журнал).

«— Прочел? — хитровато спросил комиссар; Алексей
молчал, все еще бегая глазами по строчкам.— Ну, что
скажешь?

— Но у него не было только ступни.

— А ты же советский человек.

— Он летал на «фармане». Разве это самолет? Это
этажерка. На нем чего не летать? Там такое управление,
что ни ловкости, ни быстроты не надо.

— Но ты же советский человек! — настаивал комис-
сар¹.

Главная заслуга комиссара заключается в том, что
он верно понял характер Алексея, сумел поселить в душе
Мересьева веру в свои силы, дал толчок их развитию.
Вначале Алексей учится у комиссара преодолевать физи-
ческие страдания. Затем находит в нем пример жизни и
борьбы. В день похорон комиссара сосед Мересьева по
палате сказал:

«— Настоящего человека хоронят... Большевика хо-
ронят.

И Мересьев запомнил это: Настоящего человека. Луч-
ше, пожалуй, и не назовешь комиссара. И очень захоте-
лось Алексею стать настоящим человеком, таким же, как
тот, кого сейчас увезли в последний путь².

Так, умирая, оставляет Семен Воробьев не только до-
брую память о себе, но и наследников своего дела.

Можно решительно оспорить очерковый тон поспеш-
ного авторского резюме: «С тех пор, как он (А. Мересьев.— Н. Ж.)
проверил, что путем тренировки сможет на-

¹ Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке. М., «Молодая гвардия», 1972, стр. 99.

² Там же, стр. 119.

учиться летать без ног и снова стать полноценным летчи-
ком, им овладела жажда жизни и деятельности», — тем
более что сцена, описанная выше, важна нам для пони-
мания нравственного роста героя: ведь он обретает вто-
реое рождение не только и не столько с помощью «кропот-
ливой работы» по тренировке изувеченного тела, но глав-
ное — работой души, с помощью сил преодоления и веры
в возможность свершить невозможное.

Однако, несмотря на ряд заметных, пусть и оправдан-
ных, художественных издержек в описании этого эпизода
(приведу только один пример огорчающей тривиальности: «Советский человек», — машинально повторил Алек-
сей, все еще не отрывая глаз от заметки; потом бледное
лицо его осветилось каким-то внутренним румянцем, и он
обвел всех изумленно-радостным взглядом), старый
журнал — это точная журналистская деталь. И внешняя
незамысловатость ситуации (просто разговор в больнич-
ной палате) не скрадывает подлинную глубину происход-
ящего. Ибо эпизод с журналом не замыкает собой кон-
кретную ситуацию, но дает возможность Полевому под-
черкнуть дистанцию, разделяющую духовные миры его
героев и лондоновских суперменов времен освоения Клон-
дайка. «Описание воинского подвига... представляла со-
бой, по сути, «Повесть о настоящем человеке», — так оце-
нил эту книгу критик А. Бочаров.

Думается, идейный запал «Повести...» много серьез-
нее и шире. Воробьев произносит: «А ты русский, совет-
ский» — и читатель задумывается над тем, что одиссея
Мересьева лишь начинается там, где подвел черту в сво-
ей схватке со смертью герой Джека Лондона...

Удивительно реален и узнаваем Семен Воробьев: про-
стыми, будничными деталями Полевой стремился напо-
мнить читателю, что в трудный час, в момент испытания
мужества, с каждым из нас рядом есть такие вот комис-
сары человеческих душ, как этот человек (которому и на
смертом одре некогда подумать о себе или о личных
своих делах; в этом-то он «всегда безобразно запазды-
вал, все некогда да недосуг...»). Такие, как он, страст-
ные жизнелюбы, одержимые жаждой творчества (Во-
робьев и свою жизнь стремится перекроить по-творчески,
и людей заставить жить лучше, целеустремленнее, тво-
рить жизнь везде, вокруг себя).

У Бориса Полевого комиссар — это духовный родст-

венник Павла Корчагина (ведь герой Н. Островского тоже борется не за физическое существование, а за возможность творить, быть активным участником жизни и не «выйти из строя»...), и кузнеца Лузгина, и парторга Анны Калининой.

Он один из тех настоящих людей, чей камертон нравственного влияния ощущается за рамками книги, за границей их литературной судьбы.

С появлением комиссара на страницах «Повести...» прозаик начинает как бы параллельное исследование двух этих главных характеров — Мересьева и Воробьева. Причем именно присутствие комиссара в центре повествования помогает выяснить новые, до поры скрытые духовные качества Алексея: до сих пор он представлял перед читателем только в роли человека действия; теперь же Мересьев, который «с раннего детства привык осмысливать и организовывать свою жизнь», как подчеркивает сам автор, учится на «настоящего человека». Преодоление физических страданий было лишь началом его борьбы за Человека с большой буквы.

Семен Воробьев для автора «Повести...» — высший критерий нравственного поведения. Человек для людей. И характерно для определившейся уже в «Повести...» манеры сдержанного, спокойного письма Бориса Полевого то, как скромно, деловито, не помпезно выражена в книге тема преемственности подвига. Эту «ниточку подвига», олицетворяющую преемственность революционных традиций, передал когда-то Воробьеву его комиссар на гражданской — Яков Володин, тот, что в знайкой, безводной туркестанской пустыне спас свой эскадрон («На вид хлипкий, интеллигент — историком он был. Но крепкий большевик. Ему бы как будто первому упасть, а он идет и все людей шевелит: дескать, близко, скоро... и дошли, и ни одного на песке не оставили»), — вновь неназойливо подчеркивает Полевой «обыкновенность» в облике его героев, портреты которых словно озвучиваются в сознании читающего мелодией революционных песен...).

Эту «ниточку подвига», как духовное завещание, оставляет комиссар Алексею.

Коммунистическая партийность, глубоко понятая и прочувствованная, — вот стержень характера Семена Воробьева. А истинное, глубокое чувство не требует рупорного выражения. Поэтому образ «человека для людей»

писатель рисует, используя сдержанный арсенал изобразительных средств, постепенно обогащая этот портрет дополнительными штрихами. «С прибытием комиссара в палате произошло что-то подобное тому, что бывало по утрам, когда сиделка открывала форточку в раннюю московскую весну», — передает он нам первое впечатление Алексея Мересьева. И постепенно раскрывает причины такого сравнения с глотком озона: достаточно вспомнить, как жадно читает Воробьев вести с фронта, как активно и решительно вмешивается в жизнь соседей по палате, пытаясь исправить настроение «неуживчивому Кукушкину», заразить его верой в силы любви, а солдата-сибиряка Степана Ивановича — решимостью, волей...

Именно к нему, желтолицему, умирающему Семену, словно к источнику с живительной водой, припадает старый хирург в час, когда узнает о гибели на фронте единственного сына.

В чем же сила этого слабеющего телом, но могучего духом человека? Почему так жизнеутверждающ этот образ у Бориса Полевого?

Наверное, резонно здесь привести слова А. М. Горького: «Жизнеутверждающих чувств много: горе и преодоление горя, страдание и преодоление страдания, преодоление трагедии, преодоление смерти» (подчеркнуто мною. — Н. Ж.).

Просто, лаконично, с обжигающими воображение достоверными деталями говорит писатель о преодолении его героем страданий — на грани смерти: «...стоило ему заснуть и потерять контроль над собой, как он ...начинал метаться ...лицо егоискажалось судорогой... Бодрствуя ...он был спокоен и ровен.... и разве только по тому, как рука при этом комкала простыню, да по бисеринкам пота можно было угадать, до чего трудно ему сдерживаться»¹.

Семен Воробьев и смерти не подвластен. Ведь, уходя из жизни, он оставляет на земле своих духовных наследников, в нравственном опыте которых отложится его, комиссара, доброта, его глубокая убежденность, что смысл человеческого пребывания на земле в том и состоит, чтобы жить для людей, помогать им в час испытаний,

¹ Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке. М., «Молодая гвардия», 1972, стр. 83.

честно сражаться, если испытанием становится народная война.

Индивидуальность, неординарность личности созданного Полевым комиссара очевидна. А глубоко нравственный процесс — преодоление — сближает в наших глазах Воробьева еще с одним комиссаром из галереи «настоящих людей», изображенным Б. Полевым в другой его книге — на страницах повести «Доктор Вера». Жизнеутверждающие чувства помогают и психологическому углублению образа А. Мересьева; ибо героизм — это нравственная победа в душе человека.

Деловито, детально, может быть, на первый взгляд, даже излишне подробно, рассказывает Борис Полевой, как ходит его герой «по инстанциям».

«Сейчас такое время, что каждый делает для Победы все, что может», — говорит ему, например, замполит школы переподготовки Капустин, «чем-то неуловимо напоминающий Алексею Воробьева».

А он, Мересьев, и стремится делать то, что каждый: сражаться! Делать все, что в его силах. И — еще более того. То есть вести нормальный — для военного времени — образ жизни воина-защитника.

Человек, его неповторимая судьба — главный предмет внимания писателя в этом произведении, его главный масштаб. Единственная и неповторимая судьба как частица судьбы всенародной — таковы Мересьев, Воробьев, да и другие, порой эскизно, бегло прорисованные характеры «Повести...». «Сердитый добряк» Василий Васильевич, красота и мужество сердца которого в полную меру раскрываются перед нами, когда старик хирург, только что узнавший о гибели единственного сына, идет к операционному столу — спасать жизнь сына другого отца... Клавдия Михайловна, обаятельная, скромная женщина, умеющая любить истово и самоотверженно. «Метеорологический сержант» с ее трогательной, наивной любовью. И «неуживчивый Кукушкин», и Клавдия из лесной деревеньки, всю силу неистраченного женского тепла и сострадания вкладывающая в заботы об Алексее, словно он — это ее затерявшийся где-то в бурانе войны муж...

Подлинная человечность в большой и сложной теме преодоления — вот «нравственный метр», которым По-

левой проверяет своих героев на лучшие и самые надежные качества души.

Ибо главным оружием нашего государства в той войне оказалась стойкость духа миллионов настоящих людей, которые (повторю слова В. Быкова) «...истории и самим себе преподали великий урок нравственности».

* * *

Человек для людей — вообще основной герой военных и «мирных» книг Бориса Полевого.

Этим талантом души, способностью жить для общего блага, во имя других людей, словно лакмусовой бумажкой, выверяет автор истинность и глубину характеров литературных персонажей (за большинством из них, как известно, реальные, жизненные прототипы) равно, как и истинность событий, правду предельных ситуаций, в которых раскрываются его герои.

Юный лейтенант Мересьев и солдат двух войн — гражданской и Отечественной — полковник Воробьев. Работница текстильного комбината Анна Калинина из романа «Глубокий тыл», которой доведется стать партийным руководителем большого рабочего коллектива в дни войны... Доктор Вера Трешникова, мужество которой спасло жизнь десяткам советских раненых в городе, оккупированном фашистами... Воины мирных сражений: начальник Оньстроя Федор Литвинов, экскаваторщик Олесь Поперечный, талантливый инженер Павел Дюжев — из романа «На диком бреге». И герои «невыдуманных рассказов» Полевого: вспомним хотя бы Андрея Пантиухина («Пан Тюхин» и «Пан Телеев») — тяжело раненного штурмана сбитого немцами советского бомбардировщика, вставшего во главе подпольной антифашистской группы польских патриотов.

Можно долго продолжать перечень имен героев, которые вошли в прозу Бориса Полевого из жизни. Тем более что каждая новая работа писателя пополняет этот ряд...

В его галерее литературных героев одним из первых портретов «настоящих людей» стал образ задиристой, легкомысленной, отчаянно смелой восемнадцатилетней девчонки Муси Волковой, машинистки себежского отделения Госбанка, непоседы и «колючки», мечтавшей о